

Это личное!

Мария
Свешникова
пара ноя

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос= Рус)6-44
С24

Мария Свешникова
ПАРА НОЯ

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Свешникова, Мария.

С24 Пара Ноя : [роман] / Мария Свешникова. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 480 с. — (Это личное).

ISBN 978-5-17-144742-7

Брак 34-летней художницы по костюмам Яны разбивается в одночасье о случайно открытый ноутбук мужа. И теперь то, что казалось паранойей, становится реальностью: измены, подставы, закулисные игры влиятельных людей, махинации и насилие, которое из морального мутирует в физическое. Далекая от мужских игр, она учится плавать в водовороте денег и страстей. Но можно ли победить зло, не обратившись им самой?

Это больше, чем просто детектив с умело запутанным сюжетом. Здесь все пронизано глубокими размышлениями, способными перевернуть наш привычный мир. Что стоит за поступками, которые могут причинить боль близким? Кто скрывается за маской грешника, а кто примеряет роль праведника? И что, если в грешниках порой даже больше святого? А главное — есть ли место для каждого в спасительном ковчеге?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос= Рус)6-44

В оформлении издания использованы фотографии
с сайта Shutterstock.com.

ISBN 978-5-17-144742-7

© Мария Свешникова, текст, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Все персонажи и события, несмотря на очевидную связь с реальностью, являются полностью вымышленными. Упоминания религий и размышления героев о Боге являются выразительным средством, автор никак не хотел оскорбить сомнениями персонажей чувства верующих. Спасибо за понимание и приятного прочтения книги.
Ваша М.

Пролог

Август 99-го догорал как спичка, от которой прикуривали на ветру, но в округе подмосковного Тагитцево еще пышно зеленели пригорки и опушки.

Лохматые уши ирландского сеттера Остина то и дело вырисовывали в воздухе буквы греческого алфавита. Непривычная свобода, дарованная псу, привыкшему испражняться на городских клумбах, миг превратила его из послушного питомца в необузданного охотника; он клацал зубами, пытаясь ухватить стрекозу, и, яростно разыгрывая из себя альфа-самца, помечал каждое дерево.

Яне нравилось уезжать с дачи последней, чтобы допить лето до дна, не упустив ни капли с доньшка. Так и сейчас, пока папа грузил вещи в кряхтящий и громогласно изрыгающий выхлопные газы старый «Фольксваген», Яна и ее мама, театральный критик Галина Ивановна совершали променады по окрестностям.

Галина Ивановна морально готовилась к открытию сезона и рейдам по премьерам и поднимала с земли первые кленовые листья, еще не прожженные осенью. Она любила использовать их вместо книжных закладок, собирая в библиотеке тайный гербарий. В отличие от Яны, мама обожала серое межсезонье, с удовольствием пила густой воздух и хорошо знала все его нотки. Любила, когда тротуары заполняют красочные зонты, доставать с антресолей фетровые шляпы и пригублять армянский коньяк, чтобы избавиться от озноба в антракте после промозглого акта в еще не прогретом дыханием зрителей зале.

Яна показала язык ветхому перекошенному домишке злой бабы Мани, которая чуть не всыпала плетей Сережке за попытку стащить розовощековое яблоко. А ветка-то свисала на улицу с забора, да и яблоки баба Маня своим беззубым ртом есть не могла. Прощмыгнув за угол штакетника, Яна и Галина Ивановна вышли к озеру, где еще в июне были утоплены шлепанцы; их было не жалко, ведь теперь можно ходить в лаковых сандалиях с бантиками. До осени они, конечно, не дожили, но завистью подружек Яна полакомилась всласть. Она вообще чувствовала, что это было последнее лето без пубертатных забот вроде месячных и лифчиков-нулевок, куда подкладываешь тайком вату.

Да и вообще девочке Яне оставалось жить несколько минут. Так, к слову.

Только собачье громкое дыхание сотрясало воздух. Мать и дочь не нарушали данного осеннему дню обета молчания. Эта мягкая блаженная тишина давно сбежала из городов, и предавать ее не хотелось. Конопатая божья коровка спикировала на рукав Яниной клетчатой рубашки. По привычке Яна начала раскачивать рукой, приговаривая считалочку «полети на небо, принеси нам хлеба». Нарядный дятел в красной шапочке приземлился на березу и разбавил тишину эклектичным битом. Яна рассматривала живность.

— Мам, — не сдержалась она, — а как Ной отбирал животных на свой корабль?

— Ничего себе вопросы, — удивилась атеистка до мозга костей Галина Ивановна, знавшая библейские притчи исключительно из культурных соображений. — Во-первых, не корабль, а ковчег. И взял каждой твари по паре, чтобы заселить Землю после потопа.

— Ты хочешь сказать, что божья коровка — тварь? — Яна перевела взгляд на руку и заметила, что за хлебом насекомое на небо так и не отправилось, а после вдруг задумалась вслух: — Люди — тоже, получается, твари, раз их с собой взяли?

— С точки зрения эволюции Дарвина — да. Но вообще так говорят про животных. Люди — божьи творения, и на ковчег Ноя вошли только самые

чистые душой, которые должны заселить Землю, после того как потоп очистит мир от скверны.

— А если Ной ошибся и взял не тех? — вспомнила Яна свою соседку по парте Катьку, что дважды впутала ей в космы жвачку, чтобы поржать потом, наблюдая, как учительница тупыми ножницами выстригает клоки волос на глазах у всего класса. А еще подумала о клеще, который как-то впился ей близ промежности, после того как она посушила купальник на ивовом кусте.

— Остин! — крикнула Галина Ивановна, потерявшая собаку из вида и не желавшая разглагольствовать на философские темы.

Остин выпрыгнул из колючих зарослей, собрав на себя репейники, словно ордена за отвагу, но казался напуганным. Причина опущенного хвоста и тяжелого дыхания ирландского сеттера нашлась быстро. Рык айдовых псов! Хриплый и клокочущий, словно извергающийся вулкан, он обрушился на незащитный и пустынный берег озера. В ста метрах располагался заброшенный после кризиса 98-го недостроенный коттеджный поселок: кирпичные коробки без крыш, окон и дверей, стены, исписанные поклонниками Цоя и «Алисы». Рабочих еще по весне вывезли из сгорбленных барачков, а собак, охранявших строительные инструменты, бросили.

Пара лохматых кавказских овчарок со свалывшейся в войлок шерстью и огромная дворняга с разорванным ухом возникли словно из пустоты. Действовали псы как настоящая ОПГ: заходили с трех сторон сразу, окружали и давили авторитетом. Не лаяли, как мелкие шавки, а уверенно рычали. Дворняга, лидер банды, подошел близко к Яне, которая стояла неподвижно, как фонарный столб. Он обнюхивал ее с разных сторон, не переставая порыкивать, пока не понял, что в кармане шорт скрывается полиэтиленовый пакет с сухим собачьим кормом, который всегда брали на прогулку, чтобы приманивать Остину, если тот вдруг заиграется. Яна прикрыла рукой карман, боясь, что дворняга вцепится зубами, но та лишь попыталась своим языком протиснуться к провианту.

За эти несколько секунд мама успела схватить Остину за ошейник и попятилась назад к воде, поглаживая писклявого задиру, чтобы он не раззадоривал мохнатых людоедов. Отступление не продвинулось далеко. Сзади было озерцо, и беглецы уже стояли в воде.

Псы не шли к озеру, боялись воды. Девочка заглянула в глаза монстру с лишаем и шрамами, потом — второму, с беспомощно болтающимся ухом. Морды были совсем тощими, и даже сквозь грязные заросли шерсти было заметно, что кожа обвисла,

совсем как старушечьи животы и груди с витиеватым узором варикоза.

Яна сунула руку в облюбованный карман. Надо использовать корм, чтобы отвлечь исчадий ада и дать возможность уйти маме с ушастым забиякой. Потная ладошка с лакомством потянулась к черной пасти. В то же мгновение рык оборвался. Послышалось чавканье.

— Рукава закатай. Рубашку из Чехословакии дядя Миша привозил, порвут ведь зубищами. В чем в школу ходить будешь? — Мама с питомцем пятились вдоль заросшего тростником берега в сторону деревни.

Вслед за лидером к трапезе присоединились прихлебалы овчарки. Девочку не покидала мысль, что ее рука вот-вот сгинет в пропасти одной из глоток. Шершавые языки скользили по детской коже, сплетаясь в один клубок, словно змеи в своем зимнем логове.

Когда в пакете осталась последняя горсточка спасения, мама с Остином на поводке превратились в точку на горизонте. Мозг Яны судорожно соображал, как бы растянуть остаток корма до следующего лета, когда на стройку вернутся рабочие и заберут псов.

Во рту пересохло. С исчезновением в бездонной зубастой мясорубке последнего кусочка пропало и чувство безопасности. Ненасытные твари

не помнили добра и в ту же секунду готовы были продолжить трапезу уже телом крепко сложенной девочки. Корм не утолил голода, а только разбудил его. Оставалось лишь одно.

Во втором кармане были какие-то крошки. Собрав их в кулак, Яна запустила руку в пустой пакет и выбросила его содержимое далеко вперед. Крохи разлетелись, пакет плавно, как перышко, опустился на траву. перевозбужденные бродяги заматались по сторонам, искали корм и исследовали пустой пакет, исторгая брызги скользкой слюны.

Яна помнила: никогда нельзя оборачиваться спиной к тому, кто может тебя ранить.

Девочка умело воспользовалась смутой во вражеских рядах: бросилась в спасительные мутные воды озера. «Ну вот, еще и кроссовки угрбила. Мама отругает», — с досадой пронеслось в голове. Импортную обувь точно не спасти после медленного, долгого маневрирования по грязному илистому дну.

Прошло двадцать с лишним лет, но ни один психоаналитик не смог нащупать эту гнойную рану и содрать с нее корочку. Яна не могла понять, за что презирает тихую солнечную погоду, почему ей милее ураган или снежная буря и что за шершавые языки мерзко облизывают ее сердце.

Пока мама обращалась в удаляющуюся точку...

ГЛАВА 1

Двадцать три года спустя

Утро протискивалось в затуманенную вчерашним сигаретным дымом комнату сквозь расщелины тяжелых штор. Случившееся накануне чудилось Яне кислотным трипом или вырезанной сценой из низкопробного фильма с рыхлой драматургией. Вареный хлопок простыней казался рогожей. Тело — засаленным карнавальным костюмом, прилипшим к коже. С трудом отлепив голову от подушки, облюбованную во сне, совсем как в детстве, она разлепила глаза. Нащупала телефон, что рубил фламбергом тишину на резкие звуки.

— Тварь, ты вообще понимаешь, че натворила? В какое дерьмо вляпалась? — От металлического голоса Никиты веяло могильным холодом.

Странно, муж всегда шутливо называл ее Оленем, когда же она успела стать тварью? Да, не Оленком, а Оленем. Так исторически сложилось. Но из его уст звучало мило.

— Кто... — Яна прокашлялась и прочистила горло. — Кто вляпался? — Она осмотрелась: открытые

дверцы шкафа оголяли пустые полки, где прежде лежали Никитины вещи.

— Ты! Ты украла банковских данных на триста лямов! Я к тебе уже отправил особистов за ноутбуком.

— А у меня его нет, — выпалила она речитативом, пытаясь представить, кого берут в службу безопасности банков. Явно не неудавшихся длиннопалых скрипачей и рохлей математиков. Судорожно озираясь, она пыталась вспомнить, куда вчера положила злосчастный ноутбук и не выкинула ли его с четвертого этажа на эмоциях.

— В смысле? — рассвирепел Никита. — И, кстати, где Керуак?

— Я отдала ноутбук, — понизила Яна голос до контральто, когда нащупала под кроватью металлический корпус лэптопа. — Какой еще Керуак?

— Который Джек. Книга Керуака, блин, на полке у меня стояла! Старое издание, которое на «eBay» еле выцепил.

— На хрена она тебе? Ты ж даже не читаешь на английском. Взял кто-то почитать, не помню!

— Сука! Ты все вещи мои раздала? Ладно, а ноут ты, дура, кому сбагрила? Вконец шизанулась? — Он никогда так с ней не разговаривал, не то что голос не повышал, а даже нецензурную брань заглатывал, прежде чем она успевала слететь с его языка.

Вопросы и воспоминания смешались в углеродном пепле. Ядерный гриб дыбился над ее персональной Хиросимой. Прежде румяный брак покрывался трупными пятнами.

Яна бросила трубку и отшвырнула телефон в другой конец кровати. Раздавались звонки, мобильный вибрировал, ползал и извивался по одеялу гюрзой. Потом замер. И вновь прошипел. Напоминанием «измерить температуру». Яна покосилась на блокнот с графиком своей базальной температуры и метнула градусник, практически живший в ее заднем проходе последние месяцы, в стену. За окном стояла гробовая тишина, как будто ее замуровали в склепе. В фильмах такая бывает перед выстрелом.

Надо бежать. Бежать из-под обстрела. Бежать от собственного мужа. Просто бежать. В голове рывались бризантные снаряды один за одним, пока она натягивала майку наизнанку и джинсы с пятном от вчерашнего вина и соображала, как бы скорее покинуть квартиру, пока ее не повязали. Кто она такая? Простой художник по костюмам в небольшой мастерской. Она из статей УК знала только одну — № 157, за неуплату алиментов, и то потому, что ее часто называла лучшая подруга и партнер по мастерской Крис, которая бодалась с бывшим мужем за содержание своей дочери, крестницы Яны.

В те считанные минуты, за которые Яна собралась, память порциями выдала похмельные воспоминания вчерашнего вечера.

Она не пила почти полгода, с тех пор как они с Никитой решили завести ребенка. Вот почему казалось, что она выхлебала галлон виски, а не всего лишь бутылку «Киндзмараули», привезенную из Грузии как сувенир. Правда, почти залпом.

Сначала, как на негативе фотопленки, проявилась Крис, их встреча в самобытной кофейне возле дома, обсуждение лекал костюмов для нового театрального проекта, что прислали конструкторы. Составление сметы. Неряшливый чванливый официант протискивался между столиками, недовольный суммой чаевых. Долговязый усатый хмырь, изучающий десерты на прилавке, столкнувшийся с гарсоном. Пролитый кофе на клавиатуру. Растерянная Крис, расшатывающая погасшие кнопки своего ноутбука в попытках реанимировать железяку. Как Яну осенило, что дома лежит покрытый пылью, как известью, старый компьютер мужа. Шарканье артритной соседки, что они пытались обогнать на лестнице. Дом. Вбитый по памяти пароль. Так эшелон отправился в ад.

Затем хлынула потоком следующая порция воспоминаний. Открытый мессенджер на экране. Потные и липкие переписки мужа в телеграмме

с проститутками и девушками из приложения для поиска одноразового секса Pige. Даже поленился удалить, сука. Крис, нервно дефлорирующая бутылку вина и молча удаляющаяся в гардеробную собирать вещи паскудного предателя. Яна скрупулезно вчитывалась в то, как Никита начинал переговоры о жестком анальном сексе и пощечинах, даже не представившись. На согласовании номера в одном из BDSM-отелей города она залпом осушила первый бокал. Казалось, что она переходит железнодорожное полотно и ее сбивает взявшийся из ниоткуда поезд. И вот теперь она, лежа на горячих рельсах, пытается поднять голову, чтобы не пропустить пригородную электричку.

Дальше случилась драка. Экспромтом. В рысьем прыжке Яна выхватила у мужа ключи и вытолкала за дверь. Перетягивание ручки в его попытках пробраться в дом. Крис, бросающая в Никиту вазу, словно ручную гранату, и пытающаяся закрыть входную дверь. Фейерверк из мужской одежды на лестничной клетке.

А открытый портал в ад изрыгал новые вводные. И теперь на изувеченное обездвиженное тело на рельсах неся товарняк. Яна начала смотреть секретные чаты не только с женскими аватарками. А там просьба к сотруднику банка за деньги ускорить рассмотрение ипотеки на апартаменты

в высотке делового центра за 80 млн рублей, странные: «Костя, ну мы можем вывод ускорить? Сербы скоро головы начнут рубить», и дальше «Отправил», и десять смайликов в виде лимона. Что-то про скупку коллекционных золотых монет с изображением Георгия Победоносца. Это точно не могло быть описанием простых банковских операций, которые Никита проводил в рамках своей должности. Бокал уже стоял на полу, пока вино лилось прямо из горла в пересохший рот.

Бесконечные биткоины, эфир, монеро, сорта кошельков, названия европейских бирж, через которые осуществить вывод, банковские реквизиты, где Яна разобрала только слово «Белград».

Потом доступ к мессенджеру резко закрыли, и стало понятно, что следы заметают. Яна на автомате захлопнула крышку, чтобы отрубить компьютер от сети, пока хоть что-то на ноутбуке осталось. И как ее пьяному мозгу хватило ума вовремя это сделать?

Хотя какая, к черту, разница.

Яна отключилась на диване в гостиной с сигаретой в зубах, об этом свидетельствовал небольшой ожог на подбородке. Что-то вроде метки — это было взаправду, не привиделось, не почудилось. Большой взрыв ее вселенной. О нем часто спорили родители на кухне, Яне нравилось подслушивать